

8P1
С-59

А. Н. СОКОЛОВ

МИХАИЛ
ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

SM
С-59

83.3(2)
21
С 59

А. Н. СОКОЛОВ

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Издание 2-е, исправленное

8 1

ДЕК
1957
1639

93

ПРОВЕРЕНО

Исполком Нуйбышевского
О т д е л
Библиотека
№ 30
г.о. МОСКВА
Раисовата Релут. Грудлиц
УЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

ДЕК 2011

ЧИТАЛЬНЯ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

025-227

ПРОВ. 1966 г.

Пров. 60г.

І. ЛЕРМОНТОВ И ЕГО ВРЕМЯ

Определяя место и значение Лермонтова в развитии русской литературы, Белинский назвал его поэтом, в котором «выразился исторический момент русского общества»¹. Этот «исторический момент» существенно отличался от предшествующего периода в историческом развитии России, нашего выражение в творчестве Пушкина. «Да, очевидно, — писал Белинский, — что Лермонтов поэт совсем другой эпохи и что его поэзия — совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества» (IV, 503). Исторической гранью, резко отделившей новую эпоху от предшествующей, явилось 14 декабря 1825 года, о чем Белинский, естественно, не мог сказать прямо и открыто.

Советская историко-литературная наука, развивая и углубляя мысль Белинского, раскрыла значение Лермонтова, как одного из крупнейших литературных деятелей дворянского периода русского освободительного движения в годы, следовавшие за разгромом восстания декабристов. Лермонтову довелось испытать на себе все трудности переходного времени, всю тяжесть реакционного периода, на который пришелся спад революционной волны между двумя ее подъемами. Но, преодолевая «глубокое отчаяние и всеобщее уныние», овладевшие, по словам Герцена, людьми 30-х годов, Лермонтов занял место в ряду тех передовых деятелей своего времени, которые выступили с протестом против восторжествовавшей реакции и отдали свои силы освободительной борьбе. В своем творчестве Лермонтов выразил идеи и настроения молодого поколения 30-х годов, «разбуженного», по выражению Ленина, декабристами и продолжавшего на новом историческом этапе в новых формах бороться во имя свободы.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV. Изд-во АН СССР, 1954, стр. 521. По этому изданию Белинский цитируется и в дальнейшем. В скобках указываются том и страница.

Подавлением революционного выступления декабристов правительство не могло устранить того кризиса феодально-крепостнической системы, которым было вызвано декабристское движение. Развитие капиталистических отношений в России второй четверти XIX века все больше и больше подрывало основы крепостнической экономики, ставшей тормозом для роста производительных сил. Старый экономический базис обнаруживал явные признаки разложения. Однако господствующие классы феодально-крепостнического общества продолжали упорно бороться за сохранение старого общественного строя. В этом был смысл политики, проводившейся правительством.

Николай I поставил своей задачей подавление революционно-освободительного движения и сохранение самодержавно-крепостнической системы, хотя он и вынужден был делать некоторые уступки общественным силам, заинтересованным в развитии капитализма. Реакционная политика Николая I нашла выражение в ряде правительственных мероприятий, прямо или косвенно затрагивавших и литературу.

Указом 3 июля 1826 года, т. е. за несколько дней до казни декабристов, в составе «собственной его величества канцелярии» было учреждено III отделение со специальным заданием вести беспощадную борьбу со всякого рода революционными и оппозиционными организациями, действиями, идеями, настроениями. В распоряжение III отделения был предоставлен особый корпус жандармов, шеф которого граф А. Х. Бенкендорф был назначен начальником вновь организованного отделения. При помощи Бенкендорфа и III отделения Николай I проводил политику жестокого подавления прогрессивной литературы.

Обострение общественных противоречий находит отражение в борьбе идейных течений, выражавших интересы различных социальных сил. Два общественно-политических лагеря, открытая схватка между которыми произошла 14 декабря 1825 года, продолжали существовать и после разгрома декабристов.

Прогрессивным идеям в 30-х годах была противопоставлена реакционная идеология, которая получила официальную санкцию и должна была насаждаться в школах и университетах, проводиться в журналистике и литературе. Основные положения этой теории «официальной народности» впервые сформулировал в 1832 году в «Отчете о ревизии Московского университета» бывший «арзамасец», ставший идеологом реакции, граф С. С. Уваров, назначенный вскоре министром народного просвещения. В целях «борьбы с разрушительными понятиями», по мнению Уварова, необходимо было укрепить

«истинно-русские охранительные начала православия, самодержавия и народности». Если два первых понятия этой пресловутой «тройственной формулы» отчетливо обозначали идеологические («православие») и политические («самодержавие») основы, сохранение которых в России было программой реакционеров, то понятием «народности» стыдливо прикрывалось требование незыблемости старого социального строя, т. е. крепостничества.

Наступление крепостнической реакции нашло выражение в таких органах печати, как газета Ф. В. Булгарина «Северная Пчела» и журнал О. И. Сенковского «Библиотека для чтения», проводивших официальную идеологию. Оба эти писателя были воинствующими представителями реакционного лагеря в литературе: Булгарин — в своих нравоописательных романах («Иван Выжигин» и др.), Сенковский — в критических статьях, фельетонах, восточных сказках, бытовых повестях и т. д.

Идеология «официальной народности» нашла выражение и в творчестве реакционных романтиков: драматурга Н. В. Кукольника, исторического романиста М. Н. Загоскина, поэта В. Г. Бенедиктова.

Решительные меры, принятые правительством против революционного движения, принесли победу самодержавно-крепостническому лагерю над лагерем революционно-прогрессивным. Но эта победа могла быть только временной. Охранительная политика была не в силах остановить социально-экономическое развитие страны, формирование нового, капиталистического базиса в недрах старого, феодально-крепостнического, не могла подавить освободительное движение, а вместе с тем и дальнейшее развитие общественной мысли и литературы.

Классовая борьба крестьян против помещиков, искавших выхода из состояния кризиса в усиленной эксплуатации крепостных, принимает более широкие и напряженные формы. После 1825 года количество крестьянских волнений увеличивается из года в год. Бенкендорф писал Николаю I в секретном отчете: «Простой народ ныне не тот, что был за двадцать пять лет перед тем. Весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же».

Особенно богаты событиями были 1830—1831 годы. Военное восстание в Севастополе, польское восстание, холерные бунты, охватившие ряд губерний, а в Петербурге вылившиеся в народное возмущение на Сенной площади, восстание крестьян в Новгородских военных поселениях — все эти факты

массового движения свидетельствовали о широком распространении недовольства правительственной политикой.

На этой общественной основе в 30-х годах складывается сложный и разнообразный по своему составу прогрессивный лагерь, противостоящий лагерю реакции.

Во главе его по-прежнему стоит Пушкин, в творчестве которого начиная с середины 20-х годов центральной становится тема народа и утверждается реализм как основное, ведущее направление русской литературы.

В составе прогрессивного лагеря мы находим и старую декабристскую интеллигенцию, разгромленную Николаем I, но в подавляющей части не отказавшуюся от своих революционных убеждений и пытавшуюся в меру очень скудных возможностей — в условиях каторги и ссылки — принимать участие в литературной жизни. На последекабрьский период падает значительная часть творчества В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева-Марлинского, А. И. Одоевского. В своем литературном творчестве декабристы оставались верными романтическому знамени.

На смену старой декабристской «фаланги героев» (Герцен) в 30-х годах выступает новое поколение дворянской революционной интеллигенции, которое стремится в новых условиях продолжать и развивать дело своих предшественников. Это новое поколение дворянских революционеров, которое вместе с Герценом, его главным представителем, было «разбужено» декабристами, составляло основную силу прогрессивного лагеря в 30-х годах. Одним из наиболее ярких представителей этой общественной группы явился в своем творчестве Лермонтов.

В те же годы наблюдаются первые признаки демократизации русского освободительного движения. Это нашло выражение уже в первых тайных кружках, возникших после разгрома декабристов: кружки братьев Критских и Сунгурова были разночинскими по своему составу. Но крупнейшим выразителем демократических начал в общественной борьбе последекабрьского периода явился В. Г. Белинский, этот, по определению В. И. Ленина, предшественник «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»¹. По мере созревания революционно-демократического мировоззрения Белинского он все более полно и последовательно начинает выражать освободительные стремления крепостного крестьянства. Это с полной отчетливостью проявилось позднее, в частности, в письме Белинского к Гоголю, которое

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

В. И. Ленин поставил в зависимость «от настроения крепостных крестьян...»¹.

С половины 30-х годов огромной силой в русской общественной жизни и литературе становится критический реализм Гоголя, который своим творчеством наносит сокрушительный удар по самодержавно-крепостнической системе.

Таков был в 30-х годах состав прогрессивного лагеря, в той или иной мере отражавшего освободительные стремления народа и продолжавшего борьбу против самодержавно-крепостнической реакции.

Между этими двумя антагонистическими общественными силами, в борьбе которых нашло выражение основное классовое противоречие эпохи — противоречие между закрепощенными крестьянами и крепостниками-помещиками, сложились в 30-х годах различные идейно-политические направления, тяготевшие к одному или другому лагерю. Здесь мы находим дворянско-просветительский кружок Н. В. Станкевича, объединивший людей, весьма различных по тенденциям своего дальнейшего развития: и будущего славянофила К. С. Аксакова, и будущих либералов Т. Н. Грановского, И. С. Тургенева, В. П. Боткина, и будущего анархиста М. А. Бакунина. Особое место в общественно-литературной борьбе заняли писатели-разночинцы: М. П. Погодин, Н. А. Полевой, Н. Ф. Павлов, которые после первых своих прогрессивных выступлений, явившихся выражением роста демократических тенденций в русской литературе, под ударами реакции отходили вправо и оказывались в реакционном лагере. Противоречивым было и литературное творчество этих писателей, представляющее картину борьбы романтических и реалистических тенденций.

Такова была сложная общественно-литературная обстановка, в которой складывалось мировоззрение и творчество Лермонтова.

Лермонтову шел двенадцатый год, когда произошло восстание декабристов. Это событие не могло пройти мимо сознания не по годам развивавшегося подростка. Помимо общего политического возбуждения, охватившего страну, в Тарханах, пензенском имении бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой, взявшей на воспитание рано осиротевшего внука, имелись особые поводы для волнений и разговоров. Брат бабушки Д. А. Столыпин, командовавший корпусом в южной армии, был близок к Пестелю и вместе с будущими декабристами принимал участие в организации так называемых ланкастерских школ взаимного обучения. Другой брат бабушки, А. А. Столыпин, умерший в начале 1825 года, был знаком с

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 108.

Рылеевым и, как показал на следствии Н. А. Бестужев, «одобрял тайное общество и потому верно бы действовал в нынешних обстоятельствах вместе с ним»¹. Вдове А. А. Столыпина, дочери Н. С. Мордвинова, Рылеев посвятил послание «Вере Николаевне Столыпиной», напечатанное в 1825 году. Полное политических намеков, оно могло восприниматься как завещание поэта-декабриста молодому поколению Столыпиных, к которому принадлежал и Лермонтов:

Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой...

Большое значение для идейно-политического и литературного развития Лермонтова имело пребывание его в Университетском благородном пансионе (1828—1830) и Московском университете (1830—1832). Лермонтов входит в среду передовой молодежи своего времени, разделяя ее литературные и общественные интересы.

В пансионе он был участником существовавшего здесь под руководством С. Е. Раича «Общества любителей словесности», а в пансионских рукописных журналах помещал свои ранние литературные опыты. К 1830 году относится первое выступление Лермонтова в печати: в журнале «Атеней» появилось его стихотворение «Весна».

Литературные интересы воспитанников Университетского пансиона нередко принимали политическую окраску. Яркой иллюстрацией этого является чтение наизусть запретной поэмы Рылеева «Войнаровский», о чем вспоминает воспитанник пансиона Д. А. Милютин. Бенкендорф, докладывая в 1830 году Николаю I о политических настроениях в обществе, отмечал, что среди воспитанников пансиона при Московском университете «встречаем многих, пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России»². В этой духовной атмосфере формировалось мировоззрение Лермонтова и развивался его талант.

С поступлением в университет Лермонтов оказался в еще более широком кругу передовой молодежи того времени, и это не могло не отразиться на его дальнейшем идейном развитии. В дореволюционном литературоведении сложилась легенда о Лермонтове, как о замкнувшемся в себе юноше,

¹ «Восстание декабристов», т. II, стр. 68.

² «Красный Архив», т. 38, стр. 141.

чуждавшемся товарищей, стоявшем в стороне от кипучей студенческой жизни.

Советское лермонтоведение развеяло эту легенду, показав живые связи молодого Лермонтова с его окружением и обрисовав интересы, идеи, настроения этого окружения¹. Лермонтов учился в Московском университете в те годы, когда студентами университета (одни несколько раньше, другие несколько позже по времени поступления) были будущие крупнейшие деятели русской общественной мысли и литературы: В. Г. Белинский, Н. В. Станкевич, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, И. А. Гончаров, а также участники герценовского кружка Н. М. Сатин и Н. И. Сазонов, поэты из группы Станкевича В. И. Красов и И. П. Ключников. Лермонтов жил теми же идейными интересами, которые волновали и других передовых студентов его времени.

О связи Лермонтова со студенческим коллективом свидетельствует его участие в так называемой «маловской истории» — выступлении студентов против реакционного и бездарного профессора Малова.

Образовался кружок молодежи и вокруг Лермонтова: А. Д. Закревский, Н. С. Шеншин и др. Помимо тех сведений, которые можно извлечь из различных исторических свидетельств, ценнейшие данные для понимания идейной жизни Лермонтова и близкой к нему группы студентов имеются в лермонтовской драме «Странный человек», где изображены студенческие беседы и споры. Известно, что пьесы Лермонтова содержат много автобиографического материала. О персонажах драмы «Странный человек» Лермонтов заметил: «Лица, изображенные мною, все взяты с природы». Мы имеем право распространить это указание драматурга и на изображенных им студентов. В драме Лермонтова они не только читают свои художественные произведения, не только обсуждают театральные постановки, но и пытаются решить общественно-политические вопросы, возникавшие в сознании передовых людей эпохи: о путях развития России, о национальном достоинстве русских людей... При отсутствии точных данных о знакомстве Лермонтова с Герценом большой интерес представляет указание одного из современников на близость А. Д. Закревского к Герцену и Огареву². Но и независимо от этого идейные связи между Лермонтовым и Герценом несомненны. Значение решающего свидетельства имеют слова Герцена: Лермонтов «полностью принадлежит к нашему по-

¹ См. Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I. М., 1945, стр. 236—323.

² Там же, стр. 294.

ставил своей задачей раскрыть характер героя времени и нашел здесь ту последовательность, постепенность, которая позволяет сделать это с наибольшей убедительностью и глубиной. Белинский подметил, что Лермонтов первоначально показывает Печорина как «какое-то таинственное лицо» («Бэла»), и лишь в дальнейшем «туман рассеивается, загадка разгадывается, основная идея романа, как горькое чувство, мгновенно овладевшее всем существом вашим, пристает к вам и преследует вас» (IV, 199). В самом деле, в «Бэле» герой предстает перед читателем через двойное посредство: рассказчика (Максима Максимыча) и автора. В «Максиме Максимыче» одно звено отпадает: остается только автор, наблюдающий героя, имеющий прямую возможность судить о нем по его внешности, словам и поступкам. В «Журнале Печорина» устраняется и это посредство: перед читателем предстает сам герой в его рассказе о самом себе. Таким образом, Лермонтов в композиции образа Печорина идет от поступков к их психологическим мотивам, от портрета героя к его внутреннему миру, от загадки к разгадке. Но такой композиционный замысел не является простым средством заинтриговать читателя. Он как нельзя лучше способствует обрисовке личности Печорина. «Загадочность» героя подчеркивает его необычность, «странность», несоответствие общему ранжиру. Но внутренняя подоплека всех этих «странностей» может быть вскрыта только при условии полного обнажения тех мотивов, чувств, стремлений, мыслей, которые человек неохотно обнаруживает. А это и возможно в интимном дневнике, который не рассчитан на читателя, что Лермонтов особо оговаривает в предисловии к «Журналу Печорина». Отсюда — «искренность» Печорина, который «так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки» («Предисловие»).

В композиции образа Печорина значительное место занимает его портрет («Максим Максимыч»). Принцип обрисовки внешности героя соответствует жанру лермонтовского романа: художник рисует психологический портрет, стремясь через изображение внешнего облика героя раскрыть его внутренний мир, психологически мотивируя каждую деталь наружности, манеры держаться, мимики. Так, Печорин при ходьбе не размахивал руками; для Лермонтова это — «верный признак некоторой скрытности характера». Манера сидеть обнаруживала в Печорине «какую-то нервическую слабость». Центральное место в портрете Печорина занимает описание глаз, их выражения. И здесь все детали интерпретируются психологически.

Средствами портретной живописи Лермонтов дает не только психологическую, но и социальную характеристику

героя. Портрет Печорина показывает нам аристократа, в котором видна «порода» («маленькая аристократическая рука», черные брови и усы при светлом цвете волос) и «привычки порядочного человека» («ослепительно-чистое белье»).

Мастерство Лермонтова-портретиста проявляется и в других портретах: Грушницкого, княжны Мери, Максима Максимыча, Бэлы и т. д. Здесь сказалась разносторонняя одаренность Лермонтова, который был живописцем и рисовальщиком, оставившим ряд мастерских портретных зарисовок. Среди разнообразных средств лермонтовского литературного портрета обращает на себя внимание прием повторения детали, характерной для персонажа: тонкий стан Бэлы, бархатные глаза Мери, солдатская шинель Грушницкого и т. д. Этот прием в дальнейшем стал характерной особенностью портретной живописи Л. Н. Толстого.

Принцип реализма, осуществленный Лермонтовым в «Герое нашего времени», определил и стиль романа. Процесс становления реалистического стиля, отразившийся в неоконченных романах Лермонтова, в «Герое нашего времени» нашел свое завершение. Последний роман Лермонтова — совершеннейший образец русской реалистической прозы. Автор «Героя нашего времени» явился преемником и продолжателем Пушкина-прозаика с его принципами точности и краткости как первых достоинств прозы. Отказ от метафоричности, характерной для романтического стиля, предметная точность словоупотребления, преобладание простых предложений, придающее изложению ту сжатость, лаконичность, которую сообщил русской прозе Пушкин, — таковы основные особенности прозаической речи Лермонтова в «Герое нашего времени». Но, развивая художественные достижения реалистической русской прозы, Лермонтов не отбросил и творческих завоеваний романтизма, позволивших ему найти новые средства психологического изображения человека. Эволюция романтического стиля в лирике и поэмах Лермонтова имела большое значение и для формирования стиля его прозы.

Так, отказ от метафоризации не приводит Лермонтова к полному устранению слов и выражений в переносном значении. Там, где это вызывается необходимостью передать оттенки изображаемого или настроение персонажа, Лермонтов использует систему тропов, богато разработанную романтиками, в том числе и им самим. Вот отрывок из пейзажа в «Тамани»: «Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее (лачужки.— А. С.), и внизу с непрерывным ропотом плескались темносиние волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию...». Олицетворения, которыми полно это описание, не нарушая реалисти-

ческого принципа пейзажной живописи, придают картине тонкую эмоциональность. Метафорический характер носит концовка повести «Княжна Мери». Образы бурного моря и матроса, рожденного и выросшего на палубе разбойничьего брига, связаны с традициями романтизма. Но романтическая насыщенность речи метафорами умеряется здесь единством основного образа, что придает поэтической мысли ясность и определенность, характерные для реализма, помогает глубже понять психологию Печорина. С традициями романтизма связано обилие афоризмов и парадоксов, которыми сопровождается повествование, особенно в «Княжне Мери»: «Честолюбие есть не что иное, как жажда власти»; «А что такое счастье? Насыщенная гордость»; «Из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом не признается» и т. д. Но подобные фразы в «Герое нашего времени» возникают не из стремления к романтическим эффектам, а из потребности передать сложность и противоречивость глубоко анализирующей себя личности. «Лермонтов в «Герое нашего времени», — пишет акад. В. В. Виноградов, — объединил в гармоническое целое все созданные в пушкинскую эпоху средства художественного выражения. Был осуществлен новый стилистический синтез достижений стиховой и прозаической культуры речи»¹.

Как писатель-реалист Лермонтов в «Герое нашего времени» блестяще разрешил задачу сохранения индивидуального речевого стиля изображаемых персонажей.

Еще Белинский отметил, что автор заставил Максима Максимыча рассказать историю Бэлы «языком простым, грубым, но всегда живописным, всегда трогательным и потрясающим даже в самом комизме своем...» (IV, 207). Стилистическую окраску рассказу Максима Максимыча придают разговорная лексика и фразеология: «Наделал он мне хлопот, не тем будь помянут»; «зато уже иногда, как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха» и т. д. Разговорный характер речи рассказчика Лермонтов подчеркивает и такой стилистической деталью, как сравнения, которыми пользуется Максим Максимыч: Печорин «сделался бледен, как полотно», Бэла «дрожала, как лист» и др. Подобные сравнения стали обычными в разговорной речи.

Характеризуя стиль дневника Печорина, акад. В. В. Виноградов отмечает такие его особенности: динамизм повествования, основанного на глагольных конструкциях, как непосред-

¹ В. Виноградов. Стиль прозы Лермонтова. «Литературное наследство», 43—44. М., 1941, стр. 624.

ственное и простое отражение потока пережитых событий; драматизм естественной, точной передачи чужой речи; лирическая поэтичность экспрессивных описаний природы как выражение эстетики развитой и тонко чувствующей души; точное воспроизведение («обнаженный протоколизм») настроений и внутренних противоречий душевного мира личности, разъедаемой самоанализом¹.

Индивидуальный стиль изображаемого персонажа Лермонтов сумел сохранить и там, где изложение ведется от лица рассказчика.

Особенно яркая речевая характеристика дана в романе образу Грушницкого. Лермонтов здесь зло высмеял романтическую фразеологию, превратившуюся в шаблон как в быту, так и в литературе. Устами Печорина Лермонтов так характеризует язык Грушницкого: «Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы... Грушницкого страсть была декламировать». Эту характеристику автор подтверждает многочисленными репликами Грушницкого вроде следующей: «Моя солдатская шинель, — как печать отвержения». «Участье, которое она возбуждает, тяжело, как милостыня».

Вся эта стилистическая многопланность «Героя нашего времени» подчиняется внутреннему единству авторского стиля, который нашел исключительно высокую оценку со стороны русских писателей. В статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность?» Гоголь писал о Лермонтове: «Никто еще не писал у нас такую правильную, прекрасную и благоуханную прозою». Лев Толстой назвал «Тамань» в качестве «совершеннейшего» в художественном отношении произведения русской прозы. «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова», — говорил Чехов, предлагая учиться писать путем тщательного грамматического разбора лермонтовской прозы².

Такого высокого совершенства язык Лермонтова достиг благодаря тому, что поэт, сумевший творчески проникнуть в дух народной поэзии («Песня про царя Ивана Васильевича»), продолжая борьбу Пушкина за народность языка художественной литературы, опирался в своей литературной работе на общенациональный русский язык в его богатствах, накопленных народом на протяжении столетий.

Роман «Герой нашего времени» явился важнейшим этапом в творческом развитии Лермонтова. Характер, нашедший во-

¹ См. «Литературное наследство», 43—44, стр. 591.

² См. отзывы писателей о прозе Лермонтова в книге С. Дурьлина «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М., 1940, стр. 17—18.

площение в образе Печорина, давно, с детских лет, занимал воображение Лермонтова. Но долгое время герой выступал у Лермонтова в романтическом облике и субъективно-лирической окраске. В «Герое нашего времени» Лермонтов средствами реалистического искусства создает объективно-типический образ, в котором нашли отражение существенные стороны современной писателю действительности. Роман Лермонтова показывал, что реалистические тенденции, проявившиеся уже в «Вадиме», усилившиеся в «Княгине Лиговской», нашли, наконец, полное развитие в «Герое нашего времени». В этом направлении и должно было, очевидно, идти дальнейшее творческое развитие Лермонтова. Дошедшие до нас свидетельства о его новых замыслах говорят в пользу такого предположения и вместе с тем позволяют строить догадки о тематике, интересовавшей Лермонтова.

Лермонтов, свидетельствует Белинский, «замыслил написать романическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство...» (V, 455). Естественно предположить, что Лермонтова интересовали общественные движения и события следовавших одна за другой и связанных между собой эпох. Его интерес к пугачевщине засвидетельствован «Вадимом». Появление декабристской темы в прозе Лермонтова вполне вероятно. Роман из «настоящего времени», очевидно, должен был затронуть общественное движение 30-х годов. Можно думать, что здесь Лермонтов творчески обратился бы к поискам подлинного героя своего времени, который явился бы реалистическим эквивалентом его романтическому идеалу Мцыри, подобно тому как Печорин реалистически воплощает характер «демонического» героя Лермонтова.

VII. ЗНАЧЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Смерть прервала творческий путь Лермонтова задолго до его завершения. Безвременно погибший поэт далеко еще не сказал своего последнего слова. Однако и то, что создал Лермонтов за краткие годы своей литературной деятельности, оставило огромный след в развитии русской литературы.

Историческое значение лермонтовского творчества определяется прежде всего его теснейшей связью с русской действительностью, с освободительным движением русского народа. Творчество Лермонтова, как мы видели, развернулось в дворянский период русского освободительного движения, но по сравнению со своими предшественниками, Пушкиным и декабристами, он выступил в годы разгрома революционного движения, в момент спада революционной волны. Отразив в своем творчестве эту историческую ситуацию, Лермонтов вместе с лучшими своими современниками стал продолжателем дела дворянских революционеров в новых исторических условиях. Идея «действия», при всей трудности действовать в эпоху черной реакции, является ведущей идеей творчества Лермонтова. Отсюда — острый интерес Лермонтова к проблеме героя времени, к вопросу о «деятеле». Глубоко раскрыв трагедию индивидуалистического бунтарства, Лермонтов понял, — еще раз воспользуемся словами Добролюбова, — «что спасение... находится только в народе». Так, для Лермонтова, «поэта русского, *народного*, в высшем и благороднейшем значении этого слова», как сказал о нем Белинский (IV, 521), открывался путь к революционным демократам, представителям второго этапа освободительного движения в России. Закономерность этого пути для лучших людей лермонтовского поколения подтверждается общественно-политической судьбой Герцена и Огарева. Автор «Смерти поэта» и «Родины», «Песни про царя Ивана Васильевича» и «Мцыри» не только сам шел в этом

направлении, но помогал находить правильное направление и другим. Одним из ярких свидетельств этого являются восторженные отзывы о Лермонтове, сохранившиеся в юношеских дневниках Чернышевского и Добролюбова. В этом смысле само творчество Лермонтова было своеобразной формой того революционного действия, которого жаждал поэт.

Художественное творчество Лермонтова явилось закономерным звеном между литературой периода выступления дворянских революционеров и произведениями передовых писателей последующей эпохи, приведшей к революционной ситуации 60-х годов.

Лермонтов стал последним и самым крупным представителем русского революционного романтизма, сближаясь здесь с поэтами-декабристами, продолжавшими создавать гражданско-романтическую поэзию и после 1825 года. Но Лермонтов на основе дальнейшего развития идеологии дворянских революционеров пошел дальше поэтов декабризма — Одоевского, Кюхельбекера, Марлинского. В творчестве Лермонтова ярко проявился процесс вызревания реалистических тенденций внутри революционного романтизма. Тем самым с полной очевидностью обнаружилось, что историческая роль революционного романтизма как литературного направления, связанного с общественной борьбой дворянских революционеров, сыграна. Вместе с тем своим творчеством Лермонтов нанес сокрушительный удар по эпигонскому романтизму 30-х годов.

Осуществив все возможности революционного романтизма своего времени, Лермонтов одним из первых пошел вслед за Пушкиным к реализму. На этом пути Лермонтов сделал новый и глубоко плодотворный для развития русской литературы шаг вперед. «Евгением Онегиным» Пушкин положил начало традиции русского социально-психологического романа. Но «Евгений Онегин» был романом в стихах, что создавало между этим жанром и прозаическим романом, по острому слову самого Пушкина (в письме к Вяземскому 4 ноября 1824 г.), «дьявольскую разницу». Для русской литературы необходимо было освоение реалистических достижений пушкинского стихотворного романа в жанре романа прозаического. Это и сделал Лермонтов. Вслед за романом об Онегине в русской литературе появился роман о Печорине, открывающий собой замечательную серию русского классического романа в прозе. Трудно назвать русского писателя XIX века, который не был бы той или иной стороной своего творчества обязан Лермонтову. Ближайшим образом с «Героем нашего времени» связаны романы Тургенева, Л. Толстого и Достоевского, в различных направлениях развивающие завоевания лермонтовского психологического реализма.

Лирика Лермонтова явилась столь же важным звеном в развитии русской гражданской поэзии. Вместе с Полежаевым и Огаревым, но намного сильнее и ярче их Лермонтов выразил в своей политической лирике общественно-художественные тенденции, которые вели от дворянского к разночинскому периоду освободительного движения, от Рыльева к Некрасову.

От Лермонтова, автора революционно-романтических поэм, героической поэмы в народном стиле, лирико-эпических баллад, идет путь к эпической поэзии Некрасова.

Поэтическое наследство Лермонтова вошло в тот золотой фонд русской литературы, который бережно хранит и обогащает советская литература.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Лермонтов и его время	3
II. Творческий путь Лермонтова	13
III. Лирика	17
IV. Поэмы	33
1. Романтические поэмы	33
2. Историческая поэма в народном стиле	50
3. Опыты реалистической поэмы	55
V. Драматургия	59
VI. Проза	66
1. Роман о крестьянском восстании	66
2. Неоконченный роман из современной жизни	70
3. Психологический роман	74
<u>VII. Значение Лермонтова в русской литературе</u>	88

Александр Николаевич Соколов
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ

Редактор Л. Г. Кобликова
Технич. редактор В. П. Гурьянов

*

Сдано в набор 19/II 1957 г.
Подписано в печать 22/III 1957 г.
Л-37537. Изд. № 5,75. Формат
60 × 92/16. Печ. л. 5,75. Бум. л.
2,875. Уч. изд. л. 5,48. Тираж 25 000.
Заказ 372. Цена 3 р. 30 к.

*

Издательство
Московского университета
Москва, Ленинские горы,
Административный корпус

*

Типография издательства МГУ
Москва, Моховая, 9

3 р. 30 к.